

К.Лукашевич

Дядюшка-флейтист

Повесть

НЕУДАЧНАЯ ПРОСЬБА

Наступил вечер. Марья Ивановна зажгла небольшую голубую фарфоровую лампу и надела на нее розовый бумажный абажур. Приятный свет озарил низкую продолговатую комнату, убранную с некоторым щегольством. Мягкий диван и два кресла были обиты красным ситцем с большими желтыми букетами; перед диваном стоял круглый стол с узорчатой клеенкой; между окнами висело небольшое зеркало, приютился столик с высокими стеклянными подсвечниками, на которых красовались огромные бумажные розетки в форме розанов. На стенах висели олеографии в узеньких золоченых рамках: на двух были изображены дети с собачками - один плачет, другой смеется; на других картинах были необыкновенно яркие пейзажи. Тут же в комнате у стены стояло старинное фортепиано с бронзовыми ручками и этажерка, покрытая пестрой вязаной салфеткой; этажерку украшали чайные чашки, вероятно дареные в именины, масленка в виде огурца, серебряная солонка и несколько дешевеньких статуэток; на окнах из-за тюлевых занавесок виднелись тощая герань и фуксии. Квартира была тесная, с низкими потолками, где-то на окраине города, в одном из тех небольших деревянных домов, где ютятся бедняки, всю жизнь проводящие за тяжелым трудом.

Марья Ивановна, засветив лампу, стала накрывать на стол. Это была женщина высокая, полная, с красным лоснящимся лицом, покрытым веснушками, движения ее, несмотря на полноту, были быстрые, манеры решительные. Она проворно гремела чашками и ложками, двигала столом и стульями, затем поспешно скрылась из комнаты и бегом вернулась с гулко кипящим самоваром; потом грузно опустилась на стул, заварила чай и, сложив на груди руки, задумалась.

В углу за диваном что-то зашуршало и грохнуло на пол.

Марья Ивановна вздрогнула и обернулась.

- Фу, как ты меня испугала! Я совсем о тебе забыла. Чего ты там возишься?! - недовольным тоном проговорила она.

-Я, тетенька, катушку уронила, - послышался тихий ответ; из-за дивана выглянуло худенькое личико с остриженными под гребенку белокурыми волосами и вдумчивыми большими глазами, над которыми резко выделялись темные, приподнятые брови, придававшие лицу выражение не то испуга, не то удивления.

- Липочка ! Петр Васильевич! Идите чай пить! - низким, грудным голосом кликнула Марья Ивановна, не обращая больше внимания на выглянувшую из-за дивана девочку.

За тоненькой перегородкой послышалось движение. Отворилась дверь, и вошла молодая девушка - полная, черноглазая, как две капли воды похожая на сидевшую за столом женщину. Девушка была в широком розовом ситцевом капоте; волосы ее на лбу были завиты в бумажные папильотки. Она поспешно подошла к зеркалу и стала внимательно разглядывать свое лицо.

Из-за дивана на смотревшуюся девушку устремились любознательные детские глаза. "Это Липочка опять на свой нос смотрит", - мелькнуло в белокурой стриженной голове.

-Ах, это противное, кривое зеркало! Ну когда вы мамаша, соберетесь купить хорошее? Своего лица узнать нельзя! - проговорила черноглазая девушка.

-Подожди милая. Вот когда твой батюшка свою роденьку с рук спустит... тогда можно будет и о наших удобствах подумать... тогда и зеркало тебе купим.

- Смотрите, мама! Какая досада! Опять отчего-то у меня нос краснеет... Что я стану делать?!

-Помажь на ночь кольд-кремом, - посоветовала мать.

Молодая девушка развалистой походкой подошла к столу, села удобно на диван и отложила себе с сухарницы половину булок.

- Не осталось ли у нас, мамаша, ливерной колбасы да вареньица? - спросила она гнусливым голосом, положив небрежно локти на стол.

Мать ласково улыбнулась

-Ишь ты лакомка! Избаловала я тебя! Так и знала! что за чаем попросишь... Конечно,